

Александр Котюсов

Дижестив

Читать, но не смешивать

Александр Котюсов

Дижестив. Читать, но не смешивать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22759798

ISBN 9785448361715

Аннотация

«Дижестив» – сборник рецензий Александра Котюсова на книги современных российских писателей, о которых говорит сегодня литературная общественность. «Обитель» Захара Прилепина, «Воля вольная» Виктора Ремизова, «Безбожный переулок» Марины Степновой, «Зулейха открывает глаза» Гузели Яхиной, «Зона затопления» Романа Сенчина и многие другие произведения подверглись внимательному, а порой и жесткому критическому анализу.

Содержание

Предисловие	5
Фотошоп	8
Бог, любовь, воздух и одиночество	26
Апгрейд для поколения NEXT	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дижестив

Читать, но не смешивать

Александр Котюсов

© Александр Котюсов, 2017

ISBN 978-5-4483-6171-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Вы держите в руках сборник моих рецензий на книги современных российских писателей. От Прилепина до Яхиной, от Сенчина до Геласимова. Кто-то скажет – ну вот, скукота. Не торопитесь закрывать книгу. Я искренне надеюсь, что тот, кто всерьез интересуется современной литературой, найдет в ней много интересного. В сборнике двадцать шесть рецензий на двадцать шесть книг, которые вышли в нашей стране в период 2014 – 2016 годов и которые я, разумеется, прочитал. Литературной критикой я увлекся совершенно неожиданно для себя. Три года назад мой хороший приятель, в то время главный редактор старейшего в нашей стране толстого литературного журнала «Сибирские огни», Виталий Сероклинов неожиданно предложил мне, в прошлом физику, а сегодня предпринимателю, ресторатору и немного политику, иногда пишущему рассказы, попробовать себя на новом поприще. Тяжело сегодня с хорошей критикой, – сказал он мне тогда, – ее практически нет. Либо тупое и банальное пересказывание текста, либо абсолютно заумный анализ профессионалов-филологов, непонятный большинству читателей. Хорошая критика встречается редко. Попробуй. Я попробовал. В качестве подопытного «кролика» был выбран только что вышедший роман Сергея Шаргунова «1993». Я написал на него рецен-

зию и, нарушив все правила, принятые в писательской среде, отослал ее сразу в три литературных журнала. Отослал, будучи абсолютно уверенным, что мой первый «блин» в новой для себя сфере будет комом и вряд ли где будет опубликован. Через месяц все три журнала прислали уведомления о том, что рецензия принята и выйдет в ближайшее время. Пришлось объясняться. С руководством одного из журналов я поругался навсегда. Большие я так не поступаю.

Прошло почти три года. Я старался читать только то, что действительно заслуживало внимания. Я просматривал лонг- и шорт-листы различных премий – «Русский букер», «Национальный бестселлер», «Русская книга» и других, отбирал книги финалистов, победителей и читал. Читал с карандашом и сразу же после прочтения садился писать рецензию. Что-то захватывало меня с первой страницы, что-то затягивало медленно, что-то не нравилось совсем. Я читал книги уже маститых авторов, популярных не только в России, но и далеко за рубежом, и пока еще никому не известных, но уверенно заявляющих о себе. Я открыл для себя целый пласт российских писателей, книги которых выходят совсем небольшими тиражами и о которых миллионы наших современников, заваленных бульварной литературой и плохими детективами, к сожалению, не знают ничего. Но именно эти люди составляют сегодня цвет российской литературы.

Я никому не навязываю свое мнение. Рецензии, которые

вы прочтете ниже, это мой субъективный взгляд на произведения современных авторов. Я лишь пытаюсь немного помочь их будущим читателям, поделившись своими мыслями. Считайте меня просто профессиональным читателем.

Все рецензии опубликованы в литературных «толстяках», в «Новом мире», «Знамени», «Дружбе народов», «Сибирских огнях», «Волге», «Бельских просторах», «Слове», «Нижнем Новгороде», «Ното Legens», за что я искренне благодарен всем должностным и не очень должностным лицам этих журналов, которые читали мои рецензии, спорили со мною, требовали от меня переписать, поменять и дополнить, а порою и просто возвращали мне их обратно – мол нет, не подходит. Всем вам спасибо. Виталию Сероклинову, Елене Жирновой, Марии Галиной, Наталье Игруновой, Анне Сафроновой, Анне Кузнецовой, Юрию Конькову, Салавату Вахитову, Константину Богомолу, Олегу Рябову. Спасибо всем.

Ну а читателям – приятного чтения.

ФОТОШОП

О романе Сергея Шаргунова «1993». – М.: АСТ, 2013.

Во второй половине сентября 93-го я заболел. Простуда, думал я про себя, мужественно вставая по утрам на работу и уже к обеду с трудом находя сухое место в носовом платке. Постепенно становилось хуже, голову словно сжимало где-то внутри, ближе ко лбу. Я запивал боль анальгином, ненадолго облегчавшим мою участь. В конце концов, я не выдержал мучений и поехал в больницу.

Меня госпитализировали.

Я лежал в отдельной палате. Гайморит не сдавался. Из каждой ноздри моей выходило по маленькой трубочке, закрепленной у переносицы кусочками белого лейкопластыря. Дышать было невозможно. Регулярно заглядывала медицинская сестра и вводила через трубки в нос лекарство. Я пил какие-то таблетки, грустно наблюдал за примкнувшим к цифре 38 столбиком термометра и целыми днями смотрел в маленький черно-белый, словно фотография моих лобных пазух, экран телевизора. Как сейчас помню – Шилялис. Сделано в Литве. Тогда еще СССР.

По телевизору мелькали знакомые лица депутатов, Ельцина, Руцкого, Хасбулатова. Я разбирался в политическом пространстве. Узнавал каждого. Споры, дебаты, снова спо-

ры. Потом началась война. По улицам Москвы поползли танки, черным дымом закурился Белый Дом. Меня выписали.

С тех пор многое забылось, затуманилось, ушло вглубь истории, стало стираться. И вдруг взгляд споткнулся о яркую обложку в книжном магазине. Сергей Шаргунов, «1993». Имя писателя давно попадалось мне на глаза в основном благодаря Захару Прилепину и фейсбуку, где Захар регулярно публикует ссылки на свои статьи, размещенные на их с Сергеем совместном детище – портале «Свободная пресса» (www.svpressa.ru). Оттуда-то я и узнал, что есть такой писатель – Шаргунов. Современные авторы, балансирующие где-то на грани «политика-литература» – люди особые. Их таких не много, во всяком случае, тех, кто на слуху, прорвался к творческим вершинам, признанию, премиям, публичности. Проханов, Лимонов, тот же Прилепин. Тяжелая это задача – делать литературу, стараясь отвлечься от собственных политических взглядов, которые неизбежно влияют на качество написанного, в особенности если ты пишешь о реальных событиях, да к тому же происходящих в переломные для страны периоды истории.

«Финалист премии „Национальный бестселлер“, – прочитал я на обложке книги. – 1993-й – гражданская война в центре Москвы. Время больших надежд и больших потрясений. Он и она по разные стороны баррикад». Это время я провел в больнице. Я купил роман Сергея Шаргунова. Купил и про-

читал.

Необходимо признать, что автор проделал весомый труд. 570 страниц в наше время, когда многие писатели стараются крупным шрифтом размазаться на трехстах страницах, — дело трудное. Шаргунову повезло с фактурой. Благодаря работе в Думской комиссии по расследованию событий осени 1993 года он оказался в непосредственной близости от первоисточника, да что там в близости, можно смело сказать — в нем самом. Более точно, пожалуй, живописать события могли бы только его участники. Но самому автору в то время было лишь тринадцать. Не удивлюсь, если окажусь прав в том, что именно эта работа в Думской комиссии и сформировала будущую протестную позицию Сергея. Ведь за его плечами и создание политических движений, и несостоявшееся депутатство по спискам «Справедливой России». В романе «1993» политическое кредо автора легко читается в каждой строке. Главный герой Виктор Брянцев — несостоявшийся ученый-электронщик, человек, оказавшийся то ли по воле судьбы, то ли по собственному желанию где-то ниже своих изначальных возможностей и уж тем более амбиций, в прямом и переносном смысле ближе к земле, в подвалах, рядом с рвущимися от старости и коррозии трубами и вешающимися на них бомжами. Рвутся трубы, трещит страна, и из труб, и из страны рвется перегретый пар. В подвале авария, в стране революция. Кто-то должен все это устранять, ремонтировать, чинить. Вот главный герой и пы-

тается. Получается плохо. И то плохо, и другое. Виктор – не самостоятельный, он ведомый. Он продукт пропагандистской эпохи. Пусть и эпохи девяностых, менее выстроенных, чем сегодняшние, десятки, двадцать лет спустя, но продукт. Перестройка, ломка государства сильно изменили героя. Из «статного, высокого, светлоглазого парняги» середины семидесятых с «широким свежим лицом» он по ходу романа превращается в нерегулярно моющего, с запахом сырости из подмышек, расхаживающего вечно в трусах по дому, подрастерявшего жизненный драйв мужика. Жизнь вертится по заведенному несколько лет назад циклу: электричка-работа-электричка-дом-электричка... Дом в поселке «43-й километр». Ни имени, ни истории. Какой-то километр. Рядом железка, поезда, ларек, магазин, тоска. Постоянные конфликты с женой, просто так, без причины, на пустом месте, порой от бессмысленной ревности, порой от ее претензий уже в его адрес. Скуку, тоску, стремление вырваться герой топит в водке. Все так узнаваемо. Какой русский не ищет в водке смысл жизни! Нет, нельзя назвать Брянцева опустившимся. Он пытается найти какой-то выход, стремится выскочить за пределы этого круга, в который сам себя и затащил в восьмидесятые годы, порвав с наукой. Наверное, только телескоп, который он смастерил в своем доме, знает о его стремлении уйти из той затянувшейся, во многом бессмысленной жизни, про которую многие бы наши соотечественники сказали – да нормально, мы все так живем. Брянцев так

не хочет. Брянцеву помогает время. Трудно это, не разбираясь в политике, понять, кто прав, кто виноват. Виктор не входит в политику медленно, обстоятельно, шаг за шагом, постигая суть процессов, изучая партийные программы. Брянцев, наверное, как и многие в нашей стране, изучает политику по телевизору. Главной передачей в доме становится программа «Парламентский час». Она и превращается для Виктора в тот самый общеобразовательный ликбез и наталкивает на мысль, что из круга, по которому он ходит уже который год, есть выход. Этот выход – революция! Поиск этой революции и становится для героя смыслом жизни и главной целью.

В романе Шаргунова героев не пересчитать. На трехсотой странице я даже испытал порыв – а дай подсчитаю. Сколько же у него героев? Схватил карандаш, начал ставить цифири. Один, два, десять, тридцать. Потом бросил – ведь не сначала, что ж, перечитывать снова? Большая часть героев романа появляется силуэтно, на несколько строк. Кто-то чуть ярче – запоминается, кто-то нет. Почти каждого из этих героев автор наделяет именем, порою фамилией, а иногда и специальностью, характерными чертами. Зачем? В глазах начинает рябить. Ладно, когда идет речь о родственниках главного героя, например, бабушке Виктора Антонине Андриановне из деревни Шельпяки, что в восьми километрах от рынка в Кирове – к чему такая точность? Сразу хочется

проверить. Или о попутчиках Лены, жены Виктора, встреченных ею в поезде «Москва – Пермь». Евгений и Вадим. Двое случайных парней, словно боевые петухи, бросившиеся бороться друг с другом за внимание, и как оказалось потом, и за тело Лены. Первая измена мужу, внезапное понимание того, что она все еще молода, привлекательна, желанна. Все описано четко, педантично. Эпизод на несколько страниц. Больше герои не появятся. Остались лишь имена. Ну хорошо, эти сделали свое дело сразу. А остальные? От остальных своих секундно-двухстрочных героев автор оставляет имена, отчества, фамилии. Зачем? Почему? Вопросы эти остаются без ответа. Конечно, столь конкретная детализация, казалось бы, должна делать роман более правдоподобным, но это только на первый взгляд. В реальности она засоряет его обилием абсолютно ненужной информации, которая все равно забывается через несколько страниц, уходит на третий, четвертый планы. Таких героев в романе огромное количество. Сторож детского сада Руслан Муратович, майор Олег Майстренко, муж подруги Лениной мачехи, ветеринар Дмитрий Яковлевич, лечивший козу водкой. Десять проходящих и больше не появляющихся в романе героев, двадцать, тридцать, пятьдесят. По три строки на героя, по пять. Не больше.

А сколько совсем незаметных, которые появляются мелкой ссылкой, даже не секундой, мгновеньем, намеком, полустрокой, без рода, казалось, без племени – и все равно автор

методично наделяет их паспортными данными. Девочка Татьяна Кривошеева, с которой в школе целовался Виктор, сосед по лестничной клетке Сашка Моисеев, школьный шпаненок Мишка Зыков, старуха Мария Никитична, жившая у поля в поселке. Они проскальзывают по всему роману, оставляя на страницах короткие упоминания о себе, и исчезают навсегда. И так далее, и так далее, и так далее... Если бы автор переписал свой роман в пьесу, страниц только двадцать у него ушло бы на перечисление всех героев. Не могу сказать, что это недостаток. Нет. Возможно, этот педантизм есть элемент авторского стиля писателя, его отличительная черта. Возможно, что столь повышенная конкретика по отношению к каждому персонажу нарочито специальна, чтобы показать, как герой движется по жизни сквозь массу случайных, быстро забывающихся людей, движется к чему-то главному, нужному, великому. Двигается к перелому в истории, к войне, к революции. Не исключено. Только вот, к сожалению, все это утяжеляет произведение, делает его восприятие более трудным.

В своем романе автор стремится быть максимально точным, останавливаясь на каждой, порою самой незначительной, с точки зрения обывателя, мелочи. В аннотации Шаргунов характеризуется как «социальный писатель». Я бы дал его стилю иное название – «бытовой». Все выписывается до деталей, с моей точки зрения, порою лишних и ненужных. Вот взятое наугад описание телевизионной ведущей, одной

из многих среди промелькнувших на несколько строк в романе.

«...молодая блондинка в светло-зеленом пиджаке и такой же юбке. У нее было слегка припухлое приветливое лицо. То и дело загорались белые буквы „Нина Бердникова“... Ресницы хлопали над голубыми, будто стеклянными глазами». Сколько конкретики в отношении еле заметного персонажа – не главного, не второстепенного, не даже третьестепенного, – который больше никогда не появится на страницах романа. И снова имя и фамилия. Нужно ли это?

Вообще Сергей Шаргунов стремится (и это снова элемент той самой «бытоватости», если возможно так исказить слово) показать, что все происходящее в романе не выдуманно, а происходило в действительности. Именно для этого, убежден, в романе мелькают фамилии известных в те годы (а некоторые, хоть и немногие, сохранили свою публичность и сегодня) политиков и военных. Аксютин, Анпилов, Баркашов, Терехов, Алкснис. Автор намеренно вводит в роман этот калейдоскоп, чтобы показать читателю реальность происходящего. Лимонов, Белов, Уражцев. Честно говоря, в определенных случаях возникает ощущение того, что называется «перебор». Шаргунов явно переигрывает в эпизодах, где Руцкой назначает Виктора Брянцева командиром отряда, а неожиданно возникший на баррикаде Анпилов ест испеченную тут же в золе картошку и обзывает главного героя Чубайсом за копну рыжих волос. А уж то, что главная ге-

роиня крестила дочь не у какого-то священника, а у известного и популярного в те годы отца Меня, вызывает недоумение. Быт сразу становится нарочито показательным.

Роман «1993» четко демонстрирует, что людям, профессионально занимающимся тем или иным видом деятельности, бывает трудно – а некоторым невозможно – понять, что другие далеко не всегда знают тему так же хорошо, как профессионалы, а порой вообще в ней не разбираются. «Это элементарно, Ватсон», – словно говорит автор. «Как вы можете этого не знать», – вторит ему Брянцев. Читатель виновато пожимает плечами. Вот яркий пример всезнайства:

«На апрельском референдуме девяносто третьего года родители голосовали так. Мама: да-да-нет-да. Папа: нет-нет-да-нет». Все! Больше ни слова. А теперь вспомните, как звучали вопросы того референдума. Думаю, ни у кого не получится. Что за референдум? О чем он? О сохранении СССР? Нет! Тот проводился в 91-м. О доверии Ельцину? Вроде да. Но это я вам напомнил. А сами бы справились? Автор не подсказывает.

Думаю, что Шаргунов, профессиональный журналист, еще раз подчеркиваю, работавший в Думской комиссии по расследованию событий 1993-го года, совершает литературно-историческую ошибку, соря десятками фамилий людей, в те годы известных, но подрастерявших к сегодняшнему дню публичность, не утруждая себя подчас разъяснениями. Несмотря на то, что от событий 93-го нас отделя-

ют всего два десятилетия, многое уже успело позабыться. И первыми позабылись фамилии участников тех событий. Конечно главные герои – Руцкой и Хасбулатов – останутся в памяти надолго, закрепленные тем более учебниками новейшей российской истории, а вот фамилии других требуют конкретизации. Убежден, что людям политически неактивным и в особенности тем, кому сегодня чуть за тридцать, роман читать сложно. Все же это произведение не о мировой войне, события 1993 года не изучают столь подробно в школах. Умиляет то, что чуть ли не единственный раз, когда автор снизошел до объяснения, расширения того или иного героя, – упоминание о Натальи Варлей. Про нее Шаргунов честно и откровенно написал, мол, это героиня кинофильма «Кавказская пленница». Убежден, что читатели Наталью знают намного лучше, чем Алксниса или Аксючица. Но для Шаргунова, видимо, политики ближе популярной актрисы.

В романе автор пытается провести параллель между событиями на Болотной площади и 93-м. Это, на мой взгляд, лишнее. Подводка и окончание романа как раз о мае 2012-го. Митинг, собираются люди. Вокруг полиция, ОМОН. Зачем? Что случилось? Автор ничего не объясняет читателю. И так все должны знать. Шестое мая, проскальзывает через строку. Что за дата? «Седьмого он въезжает в Кремль», – объясняет кто-то. Кто он? «Его же все равно избрали». А! Начинаешь догадываться. Речь о Президенте. Были выборы. Инаугурация. Но все равно – зачем собрались, что хотим.

Автор не отвечает. Это же было год назад. Все должны знать. Помнить. Все? А если не знают?! Москва – не Россия. Или роман только для той узкой прослойки, что варилась в гуще событий.

Кстати, забавно, что говоря о событиях на Болотной, Шаргунов вдруг начинает изменять себе (впрочем, это становится очевидно уже позже) и называет лидеров Болотной лишь по именам, заставляя читателя самим угадывать знакомые образы. «Сергей, похожий на Железного дровосека, с бритой головой, в черной ветровке и в черных очках», «статный матово-бледный красавец-блондин Алексей в голубой рубашке, с неподвижной, как бы приклеенной улыбкой», «большой писатель Дмитрий в безразмерной сырой футболке с полустертым Че Геварой». Удальцов, Навальный, Быков. Это вот я узнал их. А остальные? Шаргунов не называет эти фамилии. Почему? Запретили? Боятся? Удалило издательство? Позвонили из Кремля? Бред. Не понимаю.

Любой, кто занимается фотографией на профессиональном или хорошем любительском уровне знает, что такое фотошоп. Графический редактор, который позволяет существенным образом изменить внешний вид любой фотографии, превратить ее из простого фото в картину. Шаргунов в работе над романом пользуется своеобразным литературным фотошопом. На историю обыкновенной семьи – муж, жена, дочь, проблемы, рутина, пьянство – такая история мало кому интересна, каждая вторая семья в России узнает се-

бя — он накладывает слой из настоящей жизни, событий, вытасканных из 93-го года, вытасканных скрупулезно, по деталям, по черточкам.

Доклад Комиссии Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по дополнительному изучению и анализу событий, происходивших в Москве в 1993-м году, задокументировал каждый день, каждый час, каждую минуту. Покадровое восстановление событий. Все, что требуется от автора, это только литературно обработать эпизоды. И он это делает, впрочем, порой не сильно заморачиваясь обработкой. Так, Шаргунов описывает, например, как некий гражданин, из числа осаждавших Останкино, не смог взвести гранатомет и зарядить гранату. Ему помог в этом другой нападавший, участковый милиционер. Все это описано в Докладе и размещено в Википедии. С именами и фамилиями. Николай Абраменков и Михаил Смирнов. Странно только, что автор, так любящий точность, вдруг не раскрывает эти фамилии в романе. Объяснение только одно — именно здесь, когда он берет реальный эпизод, описанный другими авторами в другом, пусть и не литературном произведении, ему необходима анонимность. И подобных исторических заимствований полно. Шаргунов повествует о смерти немецкого журналиста. Все это есть в докладе. Журналиста звали Рори Пек. И снова в романе — в отличие от многих других сюжетов — нет имени. В принципе, как говорится, ничего страшного. И все же!

В романе можно натолкнуться на штампы, которые перепечатываясь из одних сборников воспоминаний в другие, в таком же виде и попали в Википедию. Приведу пару примеров. Один связан с решившим повеситься негром из Мозамбика, которого спасает Виктор Брянцев. Придя в себя, негр начинает рассказывать о тяжелой судьбе своей страны, погибшем в авиакатастрофе при загадочных обстоятельствах Президенте, о том, что жена его после этого вышла замуж за Манделу. Достаточно набрать в любом поисковом сайте «Самора Машел – Президент Мозамбика» и эти факты, слово в слово, выдадут нам десятки сайтов. Сергей Шаргунов, не мудрствуя, просто переписал их, вложив в уста говорящего с акцентом чернокожего. Поверхностное отношение автора к литературной работе особенно четко проявляется в повествовании о встретившемся Виктору в ночной Москве пьяном мужчине, оплакивавшем смерть своего начальника – руководителе концерна «ДИАМ» Илье Медкове. Банальнейшее описание дня рождения с Овсиенко в мини-юбке можно также найти везде в мировой сети, стоит лишь набрать в поисковом сайте «Медков» или название концерна. Там везде подчеркивается – «Овсиенко в мини-юбке». Шаргунов даже не позаботился внести свои литературные коррективы.

Излишняя любовь Шаргунова к бытовым деталям его же самого и губит. Губит, прежде всего, там, где он не является специалистом и где ему совершенно объективно не хватает знаний. Подчеркиваю, речь идет о неточностях, которые

не меняют сути романа, не дискредитируют его, но вместе с тем вселяют своего рода недоверие к написанному автором, а, следовательно, портят впечатление о книге. Например, автор четко указывает, когда родился главный герой – зимой пятьдесят третьего. Соответственно весной семьдесят первого, в восемнадцатилетнем возрасте его должны были забрать в армию. Пусть даже осенью. Автор отправил служить героя в Североморск, на флот, на большой корабль «Достойный». Все бы ничего. Только вот в состав Северного флота сторожевой корабль «Достойный» был включен годом позже, в апреле 1972-го.

Следующий ляп у автора возникает при упоминании о работе автора в ФИАНе. Виктор Брянцев, работая в лаборатории института, оставил на одной из деталей лунохода отпечаток своего пальца, предварительно обмакнув его в краску. Теперь, гордится он, мои пальцы есть и на Луне. История красивая, хотя невозможная в принципе. Возможно, автор не знал, поленился посмотреть (ненужное зачеркнуть), что в советское время срок службы во флоте составлял три года и соответственно вернуться на гражданку Брянцев мог только в 1974 году. Всего в истории советской космонавтики было два лунохода. Первый стартовал на Луну в 1970 году, второй в январе 1973. Ни в создании первого, ни второго Виктор Брянцев не мог поучаствовать по очевидным причинам.

Вообще Шаргунов явно некстати столь подробно описывает «физическое» прошлое главного героя. Так уж получи-

лось, что когда-то мне довелось несколько лет проработать в теоретическом отделе Научно-исследовательского радиофизического института в Нижнем Новгороде и даже защитить там кандидатскую диссертацию. Мне, да и, пожалуй, любому другому человеку, имеющему хоть когда-нибудь отношение к физике, в лучшем случае становится смешно от описания телескопа, сделанного из банок из-под зеленого горошка и кукурузы. Вызывает сомнения и то, что в 1977 году в ФИАНе (на всякий случай: в Физическом институте Академии наук!!!), месте, где работали величайшие ученые-физики СССР, занимались проектированием уличных экранов, да и вообще были ли они тогда, неизвестно. Явно не стыкуются года в этой части жизни главного героя. В 1974 он приходит из армии, поступает на физтех, начинает учиться, бросает, а уже в 1977 году приходит в Министерство обороны согласовывать свой проект этого самого экрана. Поверить в то, что за три года из радиста Виктор Брянецев, студент-недоучка, превращается в хорошего специалиста, ученого-инженера, невозможно. В принципе можно просто не обращать внимания на подобные мелочи, от которых точно не страдает повествование, но ведь автор сам наталкивает пытливого читателя на свои ляпы. Последней «физической» ошибкой автора становится вживание в роман личности академика Пилюгина, директора закрытого учреждения, в котором проектировали приборы для наведения. Автор косвенно дает понять, что работал Виктор Бря-

цев под руководством Пилюгина в 1984—85 гг. Увы, академик умер в 1982-м. Впрочем, еще раз подчеркну, логику романа ошибки эти портят не сильно.

Больше всего обидно, что автор позволяет себе ошибаться на своем поле – литературном. Так «Злые стихи» поэта Бориса Гунько, датированные во всех его сборниках январем 1994 года, Шаргунов зачем-то помещает в газете «Молния», вышедшей годом раньше.

Возможно, автору в написании мешает собственная гражданская позиция. Ему на протяжении всего романа не удастся соблюсти этот баланс между политикой и литературой, попытаться стать нейтральным, взлететь над происходящими событиями. Шаргунов сам внутри романа. И он по конкретную сторону баррикад. В романе это ощущается достаточно четко. Он с теми, кто за Парламент. Он против Ельцина, против развала СССР. Не случайно в романе почти нет ни одного героя той, противоположной стороны. Люди этой стороны есть, депутаты, писатели, актеры, просто граждане. С той, противоположной стороны почти никого. Безликая масса. Разве только Ельцин, которого Брянцев накануне расстрела Белого Дома видит по телевизору. Возможно, этим писатель хочет провести границу между народом и одним-единственным человеком, против которого выступает народ, но у которого есть власть – Президентом России. Не исключено, что Шаргунов, работающий сегодня в оппозиционных власти журналистских кругах, хочет лишний раз

сделать отсыл в сегодняшний день, на Болотную – вот народ, а вот одинокий Президент. Впрочем, это просто мои домыслы. А вот то, что главный герой умирает не 4-го октября, в день, когда был расстрелян Белый Дом, когда были арестованы его защитники, а на сутки раньше, очень символично. Тем самым автор глазами своего героя как будто не признает поражения в войне, намекая, что ничего не потеряно, что нужно бороться дальше, за лучшую жизнь, против антинародного, с точки зрения Шаргунова, режима. Это подтверждается действиями внука Брянцева, мелькающего в подводке и в окончании романа. Он выходит на Болотную площадь. Для него это важнее, чем тусоваться в московском ресторане «Жан Жак».

Займет ли этот роман достойное место в библиотечном ряду, покажут годы, история. Мое личное мнение, что нет! Роман специфичен. Он написан словно для своих, осведомленных. Он не для широкого круга. Роман точно не может претендовать на фундаментальность «Войны и мира». В «1993» есть факты, есть сюжет, есть события. В романе нет мысли. «1993» о том, как было в тот год. Это бытовой роман, не социальный. Вот как-то так и было, говорит автор, это, мол, я нашел в Думском докладе. Ну а чтобы вам всем не скучалось, я наложил сверху историю про Виктора Брянцева. Как в фотошопе, объединил два слоя. Получилась книга. Будут его читать через двадцать лет? Посмотрим. Может быть, будут. Кто-то вспоминая (а помнишь, мы тогда на бар-

рикадах), кто-то познавая (во зажгли предки!), кто-то учась. А кто-то будет нервно пролистывать страницы, испещренные никому к тому времени не известными фамилиями – Бабурин, Аксючиц, Уражцев, Анпилов, Константинов... Кто это, будет думать читатель и искать их фамилии в той же Википедии. Но разве это роман, для чтения которого требуется интернет. Впрочем, возможно я ошибаюсь. И все будет иначе. Поживем – увидим.

(«Волга», 2014, №11—12)

Бог, любовь, воздух и одиночество

О сборнике рассказов Майи Кучерской «Плач по уехавшей учительнице рисования». – М.: АСТ, 2014

Первое впечатление обманчиво. А ведь не читал других рецензий, специально не искал, отводил глаза, увидев случайно, чтобы все свое, ни чужого слова, мысли, строки, авторитета, знания... Просто взял в руки в магазине, на обложке – «ПЛАЧ», крупно, плавающе, волнами, а потом мелко под ним – «по уехавшей учительнице рисования». И на обороте фото в очках – «Ее последняя книга «Тётя Мотя» спровоцировала оживленную дискуссию о современном семейном романе и победила в читательском голосовании премии «Большая книга». Приз зрительских симпатий. Другие призы академики раздают, хмурые, суровые, со степенями, борода, кофта крупной вязки, взгляд сверх очков, пальцы на правой руке пожелтели от трубки. Этот – читатели. А я вот Мотю эту, Тётю не читал, мимо прошла. Наверстаю, вон она, в разделе «Женская проза». Не люблю этот раздел, кто ввел в литературу гендерные признаки? Но мы о другом. О «Плаче». «По уехавшей учительнице рисования». Майя Кучерская. А куда она уехала? Надолго ль? Кто плакал собственноручно? Почему? Сейчас расскажу.

Рассказ «Nostalgia», стартующий первым, сразу читате-

ля предупреждает звездочкой – «орфография и пунктуация авторские». В рассказе два десятка новелл, не новелл даже – сюжетов, образов, характеров, штрих-пунктиров, точка-точка-тире. Автор самозабвенно жонглирует этой самой орфографией – «счас», «отправисся», «можт», «то-гось», «штоль». Будто русских слов давно во рту не держала. Маййиййя... Сидит как бабка-старушка на завалинке возле избы, с товарками своими разговаривает... слышь, Никитична... о том, о сем, а что делать еще бабке в деревне на пенсии. Так себе истории (не бросай книгу, читатель, потом пожалеешь) – тут про Ольгу Петровну, которая в туалет пошла, там про крокодила, в совхоз его привезли, здесь о том, как ребенка в капусте нашли. А вот про Алешу, у которого ноги не было и девушки его не любили. Шукшиным пахнуло. У того Колька такой же. Ногу отрезали в больнице. Он потом из-за несчастной любви застрелился. Не до смерти, правда. Выжил, ну их, баб этих. А Алеша не стрелялся, в другое время жил – стал в Москве милостыню просить, афганец как будто. Много насобирал, богатым стал, «Форд-фокус» купил, от девочек отбоя нет, ну и что, что калека. Нет, до Шукшина далеко (не торопись с выводами, читатель), не тот язык, у Василь Макарыча исконный, сам течет, по-родному, Алтай-болтай, а тут притянуто, пришито, нитки торчат, стежки неровные, не фабричный пошив. Чуть не закрыл книгу (ошибся, зря купил!). Жалел бы потом. А в конце рассказа пометка – «Лос-Анджелес, 1995». Вот эквилибристика ав-

торская откуда (Кучерской тогда было всего 25) и название – «Nostalgia». Она ж в те годы там и училась-жила, в Калифорнийском университете на отделении славянских языков и литературы. Как не затоскуешь по родному слову. Только вот, какой же «Форд-фокус». Это название в 98-м появилось. В 95-м «Форд-Мондео» был. Ох уж эти филологи... драндулет от лисапеда отличить не могут.

Ну да, первое впечатление обманчиво. Уже второй рассказ (всего их 14) сбивает читателя с ног, и ты понимаешь: в руках твоих – книга! Нет, не так – в руках твоих КНИГА!!! Тут тоже эквилибристика, тоже орфография, но другая, русская, приятная, забытая. С первых строк тебя словно окутывает авторский «настоянный на бесполезных травах смех», ты словно сидишь за одним столом с зашедшей на чай девушкой Женей, которая «смотрит на тебя волооко», а сама «медленная и знает мало слов». Иной язык, старше, умней. И не коробит даже Гриша, наркоман со стажем, когда он хочет «покакать» (наркоманы часто хотят «какать»). И бежит неторопливо повествование, обтекает тебя вместе с главной героиней, «ему на тебя наплевать, и ты, ты тоже станешь наркоманка»... У нее муж, двое детей, семья, а словно одна. Одиночество. А потом затягивает куда-то, будто меняется ветер, погода, жизнь, воздух. Воздух. – «Ребята. Возьмите меня с собой. Я знаю, там плохо, там наркоманы, ну, но я и не буду курить и колоться тоже, я просто сяду в углу и буду сидеть, тихо-тихо, вжавшись в стенку спиной... будто

я одна и никого у меня нет... никого». А любовь? Любовь. Нет любви. Некого любить. И снова меняется ветер, он свежий бодрящий, другой. Монастырь, отец Василий. Бог. Ни о чем разговор, вообще разговора нет – «давайте-ка помолимся вместе, Машенька». И словно уходит все. И меняется жизнь, появляется смысл, Пасха, исцеление. И Гриша вдруг звонит: Христос Воскрес. Нет больше наркомана.

Бог, Любовь, Одиночество и Воздух. Вот распятие, крест новой книги Кучерской, четыре колеса, реперные точки, ноги, руки, времена года, стороны света. Как говорится, ИМХО. Все герои ее на перепутье, как в сказке, направо пойдешь – Бога найдешь, налево – Любовь, прямо пойдешь – там Воздух, дыши в полную грудь, обратно вернешься – Одиночество захватит. Мечутся герои Кучерской, повернет направо, плохо там, налево пойдет, тоже не то... назад?... может назад?... или нет, давай вперед... там воздух, в полную грудь...

Героям Кучерской его катастрофиче-ски не хватает. Алеше в «Химии „Жду“», там «все началось с воздуха. Менялся его химический состав. Что-то из него вынимали... кислород исчезал вовсе, вытеснялся углекислым газом». Для героини «Среднестатистического лица» (кстати, Кучерская часто не называет имен героинь, просто ОНА) «воздух вокруг разреженный, бледно-голубой... отсутствующий». Писатель из «Маргиналий-2» вырывается из душного города куда-то в провинцию... одиночество позади, хотя там жена... что

жена — «забивала свои гвозди в него каждый день вообще», «семь тысяч рэ в месяц — это не серьезно», он ушел... на год... временно... литература требует покоя душевного, это — как монашество, надо жить в тишине, во внутреннем затворе, а впереди воздух — «объемный. Плотный. Многосоставный. Можно жевать. Расслаивать». К воздуху, к свежести рвется и маленький, детдомовский (снова одиночество), с чугунным ядром тоски, тайного гнева — а ведь копает себе землянку, чтобы прожить в ней зиму — герой рассказа «Пригодное для жилья». И снова где-то рядом Бог, но мальчику не к нему, хоть он и работает в монастыре, да только при подходе к собору начинает казаться, что его душат. Мальчик рвется к воздуху. В этом рассказе он самый насыщенный, с грозой, с проливным дождем, с льющейся на землю влажной свежестью, запахом мокрой хвои, благоуханием роз у дома, чуть подернутым ароматом смолы... воздух дает мальчику победу... победу над собой, своими терзаниями, одиночеством.

Герои постоянно в поисках любви, любви на грани предела человеческих чувств. Бывший игумен ищет свою «сестренку», встреченную много лет назад на остановке в Калуге, мать двоих детей — своего Яшу, никогда не виденного, sms-ошибку, фейка из айфоновского чата, двадцатилетняя Анна в «Игре в снежки» — Саньку, еще девочку-школьницу, нет, все целомудренно, просто целовались. В поисках любви и героиня «Маскарада в стиле барроко». К мальчику, сы-

ну богатого родителя, избалованному деньгами и женским вниманием, нравящемуся всем девчонкам вокруг. Спотыкаюсь о фразу – «Ему тоже много кто нравился, но по очереди. Очередь двигалась довольно быстро». Перечитываю, перечитываю. Как просто! Героине не хочется в очередь. Хотелось его победить? Это не мой знак вопроса. Вопрос ставит Кучерская.

Самый пронзительный рассказ сборника это «Химия „Жду“». «Раб Божий Алексей» принимает решение уйти в монастырь, готовится к этому тщательно, работая уже, будучи студентом, на послушании, словно примеряя на себя нелегкое будущее, молитвы, труд, отрешение от мирских хлопот, суеты. Но что-то уже гложет, отвлекает его – мечется, то ловя в себе желание к той маленькой, круглолицей, прискавшей от его шуток в кулачок, сестренки, мечтавшей, как и он, о монастырской жизни, то встречая в собственном видении Преподобного Амвросия Оптинского. И эта неуверенность, стремление разорваться тянется через весь рассказ, уход из монастыря через четыре года, так и не узнаем почему, только догадки, автор говорит в полголоса – тсс, потом шепотом, не слышно... что-то там нечестивое делали святые отцы – как! Вы же «проповедовали бескорыстие, жертвенность, целомудрие, любовь к ближнему и Богу». И скинуты одежды дьякона и возвращено себе мирское имя и начаты поиски той сестренки. Годы ушли, восемь лет, внутри свадьба, семейная жизнь, сын, борщ, клюквенный кисель, кот-

леты, никакого Бога. Та жизнь забыта. И вот она встреча, случайная, в поезде, «а помнишь», Оптиная Пустынь, весна, Великий пост. Разгорелась любовь, которая тлела эти годы, словно прочтенная давным-давно и казалось забытая навсегда молитва, а нет, только возьми в руки, открой на нужной странице – и вспомнишь враз, а забудешь слова, так их подкажет сердце. Встречи, редкие, раз в месяц, в два... не могу, семья, муж... он у меня... Кто? Давай не будем. А потом вообще... я буду тебе звонить один раз в год и вынимать симку из телефона. Так надо. И развязка! По силе восприятия развязка рассказа пробивает насквозь, навывлет. За последние несколько лет такую мощь, сказанную простыми русскими словами, я ощутил только у Андрея Дмитриева в «Крестьянине и тинейджере», когда главному герою, больному неизвестной кожной болезнью и испробовавшему все, простая деревенская женщина говорит – все пройдет, нужно только помыть ноги мылом, которым обмывали покойника. И вот через много лет после смерти его любимой, с которой он был близок лишь однажды, да и при каких обстоятельствах (не о том речь) и потом расстался навсегда, но все эти годы любил, буднично передают мыло – на... мы обмыли им твою Сашеньку... И у Кучерской так же... ни слова о муже, столько лет измен, пусть раз в год, но тоже измена. Так он – священник! – понимает вдруг главный герой. Она – матушка. До него доходит, что измена ее не перед мужем вовсе – перед Богом. Рвется рассказ, расстались, ему на воздух, не встре-

тимся, и сразу сердце рвется... инсульт, инфаркт (а зачем жить, лучшее позади), Алеша возвращается к Богу, хочет попросить прощения то ли за себя, то ли за нее, согрешили... «Никогда уже больше, Алеша, не будет у тебя такой радости», – шепчет Бог и главного героя освещает луч – день его крещения.

Трудно на трех страницах выдохнуть, все, что обрел читая. В десять тысяч знаков не вложить мысли о каждом из четырнадцати рассказов. Да и не нужно, будет не интересно читателю. Плач. Плачь. Существительное. Глагол. Слезы на повороте страницы. Не женская проза. Просто хорошая! Не делится по гендерному признаку. Так о ком плач? О литературе! Хорошей литературе. Мало ее нынче. А учительница куда уехала? Да никуда... Здесь она. Кучерская ей фамилия. Учит нас. Богу. Любви. Дышать. Уводит от одиночества. Ну и русскому языку, понятное дело, учит. С авторской орфографией и пунктуацией.

(«Дружба народов», 2014, №6)

Апгрейд для поколения NEXT

О романе Ксении Букши «Завод „Свобода“». – М.: Издательство «ОГИ», 2014

Как и полагается победителю литературной премии «Национальный бестселлер», молодая писательница из Санкт-Петербурга Ксения Букша 2 июня 2014 года проснулась знаменитой. Ее роман «Завод „Свобода“», вышедший в издательстве «О. Г. И.», получил престижную награду.

В финал премии помимо Букши прошли Владимир Сорокин с романом «Теллурия», Павел Крусанов, «Царь головы», Сергей Шаргунов, «1993», Владимир Шаров, «Возвращение в Египет», и Марат Басыров, «Печатная машинка». Торжество планировалось на широкую ногу, спонсоры обещали увеличить призовой фонд в 3 (!) раза. Победителю полагалось 750 000 рублей. Увы, не сложилось. Почему? Правду узнать не удалось. Спонсор отказался в последний момент без объяснения причин. Заявленная и весьма незначительная по российским меркам сумма не была найдена – и победитель, несмотря на шагающий по стране год культуры, довольствовался стандартными для «Нацбеста» двумястами пятьюдесятью тысячами. Впрочем, признание стоит гораздо больше...

Роман небольшой. Двести страниц плюс три десятка ри-

сунков. Не рисунков даже, скорее черно-белых расплывающихся картинок. Иллюстрации автора. Букша рисовала сама. На мокрой бумаге, видимо, акварелью. И грифелем. Или углем. Мрачные серые безликие силуэты, рожденные серым безликим временем.

«Свободу» предваряют, как и полагается, краткие рецензии литературных мэтров. Юзefович замечает, что «читал просто с волнением». Быков – что это «первая книга, в которой осмыслена советская утопия». Правда, в его словах проскальзывает сомнение – «первая... может быть». Ну да ладно – Замятины рождаются не каждый год. Сомнение – не повод, чтобы не прочесть лауреата «Нацбеста».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.